

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-157-170

**Смерть Сталина и метафора болезни государства
в повести В. Гроссмана «Всё течёт...»**

Мауриция Калузио

Католический университет Святого Сердца

Милан, Италия

maurizia.calusio@unicatt.it, <https://orcid.org/0000-0001-5956-3316>

Аннотация

Предлагается несколько уточнений к истории творческой эволюции Василия Гроссмана. Автор предлагает обратить внимание на не исследованные ранее варианты повести «Всё течёт...», над которой Гроссман работал в последние годы жизни (1955–1964), опубликованной в России в 1989 г. Изучение двух сохранившихся автографов текста и сопоставление разных версий повести помогают понять, как и когда советский Гроссман стал тем Гроссманом-диссидентом, которого можно было опубликовать только посмертно. Творческая эволюция писателя рассматривается в статье прежде всего через сопоставление нескольких характерных гроссмановских приемов (метафора, повторение, нарушение табу) и тем (болезнь и смерть Сталина, болезнь государства).

Ключевые слова

Василий Гроссман, «Всё течёт», варианты

Для цитирования

Калузио М. Смерть Сталина и метафора болезни государства в повести В. Гроссмана «Всё течёт...» // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 157–170. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-157-170

© Калузио М., 2023

Stalin's Death and the Metaphor of the State's Disease in "Everything Flows..." by Vasily Grossman

Maurizia Calusio

Università Cattolica del Sacro Cuore

Milano, Italia

maurizia.calusio@unicatt.it, <https://orcid.org/0000-0001-5956-3316>

Abstract

The article examines some aspects of Vasily Grossman's evolution as a writer through the analysis of two previously unstudied versions of the novel *Everything Flows...*, the novel on which Grossman worked on during the last years of his life (1955–1964) and which was published in Russia only in the Perestroika years. The study of the two surviving autographs of the text contributes to the understanding of how and when the Soviet Grossman became the 'dissident' Grossman who could only be published posthumously. Grossman's evolution as a writer is examined through the analysis of some literary devices (metaphor, repetition, violation of Soviet taboo) and themes (Stalin's illness and death, the illness of the state).

Keywords

Vasily Grossman, *Everything Flows*, textual criticism

For citation

Calusio M. Stalin's Death and the Metaphor of the State's Disease in "Everything Flows..." by Vasily Grossman. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 1, pp. 157–170. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-157-170

1

Два дошедших до нас автографа гроссмановской повести «Всё течёт...» (1955–1963) интересны, кроме прочего, тем, что помогают увидеть, когда именно из автора эпохи первой Оттепели, еще вполне советского, родился «крамольный» писатель начала 60-х годов¹. В этом отношении очень показательна трактовка темы 'смерть Сталина', которая отсутствует в первом автографе текста, но развивается во втором.

Напомним коротко основные сведения об истории текста.

До нас дошли два автографа, отражающие разные этапы работы над повестью. Первый автограф «Всё течёт...» – черновая рукопись, хранящаяся

¹ Среди немногочисленных работ посвященных «Всё течёт...» см. [Геллер, 1974; Markish, 1983; Garrard, 1994; Ghini, 2016; 2018; Калузио, 2017; 2021; Красникова, 2021].

в РГАЛИ², – впервые прочитана и расшифрована Анной Красниковой³. Как она установила, «черновая рукопись – это самый ранний из автографов “Все течёт”, написанный, скорее всего, в 1955 году» [Красникова, 2021, с. 193]. Второй автограф – машинопись с рукописной правкой, которая хранится в Гарвардском университете⁴. Ее цифровая копия выложена на сайтах Гарвардского университета⁵ и Туринского исследовательского центра Василия Гроссмана⁶. Как свидетельствует в своих мемуарах Анна Берзер, редактор «Нового мира» эпохи Твардовского, над этой машинописью Гроссман работал до последних месяцев своей жизни в 1964 г. [Берзер, 1990, с. 249, 259, 269].

Первое издание повести вышло в Франкфурте в 1970 г. на основе текста этой машинописи⁷, второе – в 1989 г. в перестроечной, хотя все еще советской, России и почти целиком совпадает с первым.

От одной версии к другой Гроссман проводит систематическую правку, которая касается как новых стилистических решений, так и структурных трансформаций повести. Таким образом, разница между редакциями текста весьма существенная, хотя это и не сказывается на сюжетной канве.

Главная тема повести «Все течёт...» – обличение лагерной системы и ода человеческой свободе – намечена уже в рукописном варианте. О ней рассуждает главный герой повести, бывший зек Иван Григорьевич. Позд-

² Василий Гроссман // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 1 Ф. 1–78. Рукопись «Все течет...» была передана в тогдашний ЦГАЛИ вдовой Гроссмана, Ольгой Михайловной.

³ Анна Красникова, сотрудник Католического университета в Милане, работает над реконструкцией истории текста и готовит первое академическое издание повести. Благодарю ее за наши плодотворные беседы о Гроссмане и за помощь в изучении его наследия.

⁴ Подаренная Екатериной Заболоцкой, близким другом писателя, американским исследователям Джону и Кэролл Гаррард в 1990-х гг. машинопись хранится в Библиотеке Хоутона при Гарвардском университете: Grossman, Vasilii Semenovich. Все течет [Vse techet]: typescript with autograph manuscript corrections, 1963. Garrard, John Gordon, collector. John and Carol Garrard collection of Vasilii Semenovich Grossman papers, 1902–2013, (bulk) 1923–1994. MS Russ 129 (8). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass.

⁵ URL: <https://nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL.HOUGH:26519536?n=43> (дата обращения 31.01.2023).

⁶ URL: https://grossmanweb.eu/doc/garrard-collection/GROSSMAN_VSE-TECHET_Manuscript_HD.pdf (дата обращения 31.01.2023).

⁷ Об этом сообщается в последней биографии Гроссмана [Popoff, 2019, p. 290].

нее, как свидетельствует машинопись, Гроссман меняет композицию текста, укрепляя ведущую тему свободы и добавляя новые главы и новые темы, крайне смелые даже для эпохи Оттепели, такие как «дело врачей» и антисемитизм, раскулачивание, голодомор и тема личной ответственности отдельного советского человека перед лицом сталинских репрессий⁸. Капитальная переработка текста впервые проявляется в третьей главе повести: машинописная копия дает здесь многочисленные вставки. И именно в этой главе впервые появляется тема смерти Сталина.

2

В рукописной редакции (в дальнейшем будем обозначать эту версию Р⁹) история последних сталинских лет существенна только как фон, на котором разворачивается история героя третьей главы. Он приходится двоюродным братом герою повести Ивану Григорьевичу, который пока еще не знаком читателю. Еще до знакомства с Иваном Григорьевичем Гроссман вводит в повествование его полного антипода, бездарного ученого-конформиста Николая Андреевича (чтобы затем ввести описание Ивана Григорьевича на сопоставлении с этим, противоположным ему персонажем). Николай Андреевич принадлежит к племени победителей в советском послевоенном обществе, и в особенности в научной среде. Как известно, Гроссман описывает такую же среду в течение военных лет в романе «Жизнь и судьба» (1950–1960). В повести она изображена в не менее трудное послевоенное время, в эпоху борьбы «с вейсманистами, вирховианцами, менделистами», как читается в Р (л. 21). Гроссман не единст-

⁸ В советской России «исчезновение понятия ‘виновность’ и ‘невиновность’ в обществе ведут к всеобщему примирению с арестом, тюрьмой, лагерем», как замечает историк и диссидент М. Геллер [1974, с. 264].

⁹ Благодарю Анну Красникову за предоставление транскрипции последнего слоя рукописи «Всё течёт» и всех слоев машинописи. Все аббревиатуры для обозначения вариантов принадлежат ей. Р – черновая рукопись, один из первых вариантов текста, хранится в РГАЛИ (Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 11), расшифровка рукописи представляет собой ее финальный текст. М – машинопись с правкой (<https://grossmanweb.eu/garrard-collection>) состоит из изначального текста в 78 листов, затем дополненного многочисленными вставками. Так как не всегда удается определить, в какой последовательности вносилась правка в М, Красникова предлагает называть М-1 (первый слой) – изначальную машинописную версию; М-2 (второй слой) – вариант, получившийся в результате внесения чернильной правки или добавления вставок в М-1; М-3 (третий слой) – результат внесения правки во вставки.

венный писатель, который в те годы описывал советскую науку и её представителей. Достаточно вспомнить, например, Вениамина Каверина и его «Открытую книгу» (1948–1956), где также звучат темы «несправедливого ареста и лагеря» [Геллер, 1974, с. 248]. Как замечает Геллер, именно тема «науки, отношения власти к науке» использовалась в эпоху Оттепели «для сведения счетов с прошлым, для исследования причин» трагического прошлого [Там же, с. 246].

Итак, в рукописном варианте третьей главы, еще вполне вписывающейся в каноны советской литературы, рассказывается, как Николай Андреевич делает блестящую карьеру в послевоенные годы, заботясь лишь поверхностно о том, что происходит в стране. Повествование ведет всезнающий рассказчик, но частые повторения превращают текст в своеобразное трусливое причитание Николая Андреевича, видящего то время, в которое ему довелось жить, как «трудное», «сложное», «ужасно сложное», «тяжёлое». Он никогда не описывает детально этих трудностей и сложностей, и понятие «сложное время» остается условным и неопределенным, и, тем не менее, прозрачным для читателя:

В это **тяжелое угрюмое время** легче и приятней было встречаться с веселыми и жизнерадостными людьми (Р, л. 21);

А время было трудное. Николаю Андреевичу пришлось дважды выступать на митинге о врачах-убийцах <...> (Р, л. 23);

– Да, Рудольф Генрихович, – сказал Николай Андреевич, – **трудное, сложное время** (Р, л. 23);

Да, это было **трудное, тяжелое время** и помогало его перенести лишь то, что научная работа Николая Андреевича двигалась успешно <...> (Р, л. 24);

Все это, конечно, помогало переживать **трудное, напряжённое время** (Р, л. 25).

По мере того, как Гроссман работал над текстом, он не удалял эти ремарки о сложности времени, а просто их стилистически облегчал, что можно наблюдать в изначальной машинописной версии (в дальнейшем будем обозначать эту версию М-1):

В это **тяжелое угрюмое время** приятней было встречаться с веселыми и жизнерадостными людьми (л. 19);

А время было трудное. Николаю Андреевичу пришлось дважды выступать на митинге о врачах-убийцах... (л. 19);

– Да, Самуил Генрихович, – сказал Николай Андреевич, – **трудное времячко** (л. 20);

Да, это было трудное, тяжелое время и помогало его перенести лишь то, что научная работа Николая Андреевича шла <нрзб.> хорошо... (л. 21);

Все это, конечно, помогало переживать **трудное время** (л. 21);

и в особенности в третьем слое машинописи, М-3 (т. е. в том тексте, на основе которого было сделано издание (Гроссман, 1970)¹⁰):

В **такое время** приятней встречаться с веселыми и жизнерадостными людьми (с. 19);

А время было трудное. Николаю Андреевичу пришлось выступить на митинге о врачах-убийцах... (с. 19);

– Да, Самсон Абрамович, – сказал Николай Андреевич, – **трудное времячко** (с. 20);

Да, это было **тяжелое время** и лишь одно утешало Николая Андреевича: работа его шла хорошо (с. 21).

Николай Андреевич принимает не слишком активное участие в кампаниях последних сталинских лет, но именно в это трудное время он процветает: «успех, о котором мучительно мечтал Николай Андреевич, наконец пришел», – читается в Р (л. 25).

В заключение этого частичного описания позднесталинской эпохи с точки зрения ученого-приспособленца повествователь сообщает, что «в марте 1954 года Николай Андреевич был выдвинут в Высший Ученый совет» (Р, л. 26). О том, что случилось в стране за год до этого, а именно 5 марта 1953 г., не сказано ни слова. Это, кстати, вполне совпадает с тем, что читается в начале главы в Р:

Да, это будет встреча, – Иван приезжает в **удивительное время, вскоре после того, как в жизни Николая Андреевича произошел** высший и многое определивший **перелом** (л. 16).

Здесь новое, постсталинское, «удивительное» время дано только с точки зрения индивидуальной судьбы неодаренного, но успешного ученого Николая Андреевича.

¹⁰ Далее цитируем по этому изданию с указанием номеров страниц в круглых скобках.

Во второй версии повести картина усложняется. Сравним те же начальные строки в Р с соответствующими строками в М-1, где Николай Андреевич представляет себе встречу с двоюродным братом:

Да, это будет встреча, Иван приезжает в удивительное время, сколько <нрзб.> **тотальных перемен. Они коснулись всех. И рабочих, и крестьян** (л. 10). Ведь жизнь в колхозах становится лучше. Хлеб появился! <нрзб.> можно купить сахар и масло. И вот Иван вернулся из лагеря. И не он один. **Людей не сажают, оттепель, оттепель.** И в жизни Николая Андреевича произошел, многое определивший, перелом (л. 11).

Автор здесь добавляет несколько исторических данных, касающихся всей страны, прибегая к языковым шаблонам оттепельных лет. Выражение «Людей не сажают, оттепель, оттепель» определяет особенно ясно *terminus post quem* для внесения правки: Гроссман мог написать эти слова только после того, как в СССР употребление слова «оттепель» стало распространенным.

Только в М-3 прямо сказано, что именно спровоцировало перемены в жизни страны:

Да, это будет встреча! Иван приезжает в удивительное время, **сколько после смерти Сталина перемен.** Они коснулись всех. И рабочих, и крестьян. Ведь хлеб появился! И вот Иван вернулся из лагеря. И не он один. И в жизни Николая Андреевича произошел многое определивший перелом (с. 15).

3

Уже в М-1, как мы видели, Гроссман расширяет исторический фон эпохи, добавляя исторические данные. Здесь уже читается, например, известие об аресте Михоэлса, и рассказывается об угрозе высылки евреев («А в это время ходили слухи, что в Восточной Сибири, в тайге спешно строится огромный барачный город» М-1, л. 22).

И здесь в М-1 появляется короткое известие о смерти Сталина. Оно дано без эмфазы и без комментариев:

Пятого марта умер Сталин. Смятение охватило умы и сердца. Одни плакали, другие были счастливы. Рассказывали, что в лагерях заключенные ликовали, ждали свободы. Огромное потрясение чувствовалось во всем (М-1, л. 32).

И сразу после него следует известие об исходе «дела врачей-вредителей»:

Пятого апреля Николай Андреевич разбудил утром жену, взволнованно крикнул:

– Маша, врачи не виноваты! Маша их пытали! (М-1, л. 32)

Гроссман описывает – опять в сжатой, но насыщенной манере, – как это неожиданное открытие вызывает у Николая Андреевича новое, неизвестное доселе чувство вины за свою душевную слабость, за свои выступления, но это ненадолго:

После этого <нрзб.> признания совершенного государством возникло ощущение вины за душевную слабость, за свои выступления на собраниях, за свою подпись под <нрзб.> коллективным письмом, клеймящим ученых-извергов в белых халатах, за то, что он верил и не верил, за свою готовность согласиться с заведомой неправдой. Правильно ли он жил? Действительно, как все вокруг считают, был он честен? В душе возникало то и дело какое-то покаянное, мучительное, томящее чувство. Но постепенно оно улеглось. Жизнь пошла дальше. Все, казалось, изменилось, и в то же время ничто не изменилось. Люди, особенно энергично подводившие ужасную человеко-ненавистническую политику в последние годы жизни Сталина, постепенно стали отходить от дел; как шутя говорили: они стоят под парами, на запасных путях... (М-1, л. 32; курсив мой. – М. К.)

Эти два абзаца Гроссман впоследствии зачеркнул, и вместо них внес 9 страниц текста, над которыми продолжал работать, как показывают дополнительные корректуры. Но структуру главы он уже не изменял.

Эти удивительные 9 страниц заслуживают большего внимания, чем мы можем им уделить в рамках статьи. Мы ограничимся здесь только отдельными замечаниями.

4

Как и в Р и М-1, Гроссман прибегает в М-3 к приему повторения, но он создает намного более трагический тон, чем в рукописной и в изначальной машинописной версиях, поскольку речь идет не о неопределенном «трудном времени», а о конкретном историческом факте:

И вдруг, пятого марта *умер* Сталин (с. 27);
 Сталин *умер* беспланово, без указания директивных органов. Сталин *умер* без личного указания самого товарища Сталина (с. 27);
 Сталин *умер!* (с. 27);
 Сталин *умер!* (с. 27);
 Сталин *умер!* (с. 28);
 Хозяин был *мертв* (с. 28).

Повторяющиеся восклицания «Сталин умер!» передают крайнее замешательство Николая Андреевича перед лицом такого неожиданного, немислимого явления, как смерть вождя, и звучат как выкрики удивленного и всё более растерянного ученого.

Как замечает Михаил Геллер, «образ Вождя часто появлялся на страницах книг советских писателей при жизни Сталина. Всегда это был образ полубожества – всезнающего и всемогущего. С середины 50-х годов о Сталине начинают писать мемуаристы – военные, встречавшиеся с ним во время обсуждения стратегических проблем ведения войны. Затем Сталин появляется и на страницах художественной литературы» [1974, с. 242]. Геллер объясняет этот феномен «стремлением писателей осмыслить причины минувших событий», но добавляет: «вместе с тем появление Сталина означало отказ от глубокого исследования этих причин. Создается культ личности наоборот. Раньше Сталиным объяснялись все победы, ныне Сталиным объясняются все поражения» [Там же, с. 244].

Гроссман, наоборот, идет намного дальше и глубже своих коллег по цеху: он указывает не только на злодеяния тирана, но и на то, что злодеяния эти были возможны благодаря тому статусу неприкасаемого кумира, которым его наделили представители социалистического государства. Столь смелое размышление о природе власти не могло бы увидеть свет в советской печати даже в период оттепели.

Смерть Сталина представлена в М-3 как вторжение свободы в окаменелое царство несвободы:

Как и всё, что совершалось в стране, и это стихийное возмущение против кровавых преступлений евреев было *заранее задумано, запланировано*.

Вот так же *задумывались* Сталиным выборы в Верховный Совет – *заранее* собирались объективки, *назначались* депутаты, а затем уж *планово* шло стихийное выдвижение кандидатов, агитация за них, и, наконец, наступали всенародные выборы. Вот так же *назначались* бурные митинги протеста, взрывы народного гнева и проявления братской дружбы, вот так же за много недель до праздничных парадов утверждались репортажи с Красной Площадью: «В эту минуту я гляжу на мчащиеся танки...» Вот так же *заранее назначалась* личная инициатива Изотова, Стаханова, Дуси Виноградовой, массовые вступления в колхозы, *назначались* и отменялись легендарные герои Гражданской войны, *назначались* требования рабочих выпустить займы, требование работать без выходных; вот так же *заранее* назначалась всенародная любовь к вождю, *заранее назначались* тайные агенты за границы, диверсанты, шпионы, а затем уже в процессе сложных, остроумных перекрестных допросов подписывались протоколы, в которых еще недавно не

подозревавшие о своей принадлежности к контрреволюционному охвосту бухгалтеров, инженеров, юристов признавались в многогранной террористической шпионской работе. Вот так же *назначались* тексты писем, которые матери деревянными голосами зачитывали перед микрофоном, обращаясь к своим сыновьям солдатам, вот так же *планировался заранее* патриотический порыв Ферапонта Головатого, вот так же *назначались* участники свободных дискуссий, если почему-либо нужны были свободные дискуссии, *заранее* составлялись и согласовывались речи участников этих свободных дискуссий (с. 26–27).

В этом несвободном царстве все было заранее запланировано, а Сталин «умер бесплано», «без личного указания самого товарища Сталина», как сардонически добавляет автор:

И вдруг, пятого марта умер Сталин. Эта смерть вторглась в гигантскую систему механизированного энтузиазма, назначенных по указанию райкома народного гнева и народной любви. Сталин умер бесплано, без указаний директивных органов. Сталин умер без личного указания самого товарища Сталина. В этой свободе, своенравии смерти было нечто динамитное, противоречащее самой сокровенной сути государства. Смятение охватило умы и сердца (с. 27).

В М-3 Гроссман пишет не только о смерти Сталина, но и о его предсмертной болезни:

Смятение пришло в тот миг, когда радио передало бюллетень о здоровье Сталина: дыхание Стейн Стокса... моча... пульс... кровяное давление... Обожествлённый владыка, вдруг, обнаружил свою старческую немощную плоть... (с. 28).

Таким образом он нарушает советское неписанное табу – табу на физиологию, одно «из самых вредных и даже губительных для искусства», как его определял Ефим Эткинд [1981, с. 16]. Гроссман идет еще дальше, приписывая всему государству те же самые физиологические недуги¹¹. Умирая «без личного указания самого товарища Сталина», тиран показывает свою человеческую сущность: он не является тем сверхчеловеческим

¹¹ Заметим бегло, что к теме болезни Гроссман вернется в повести, когда он будет говорить о возлюбленной Ивана Григорьевича, Анне Сергеевне, раскаявшейся участнице раскулачивания и самой светлой фигуре в этой книге. В конце Анна Сергеевна умрет от рака. Сам автор мучался от этой болезни, когда дописывал «Всё течёт...».

идолом, в которого верили толпы. Точно так же и государство показывает свою слабость:

В тот час, как божественно непогрешимое государство заявило о своей греховности, несовершенстве, покаялось в своем преступлении, Николай Андреевич почувствовал его смертную земную плоть, – у государства, как и у Сталина, были *сердечные перебои, повышенное кровяное давление, прерывистое дыхание, белок в моче* (с. 29; курсив мой. – М. К.)

Признавая свою ошибку (т. е. объявляя официально, что врачи не были виновны, их признания получили под пытками), государство выявляет свою слабую человеческую сущность. Приписывая метафорически государству те же симптомы, что были у умирающего Сталина, Гроссман не только вновь нарушает табу на физиологию, но и показывает, что государство – вовсе не непогрешимый кумир, не машина, его составляют люди из плоти и крови. И они так же виноваты, как и Сталин. В этом смысле болезнь оказывается обнажением – и в прямом, и в переносном смысле:

Да, у Сталина оказались *перебои и нитевидный пульс, государство, оказывается, выделяло мочу*, и Николай Андреевич оказался голым под своим коверкотовым костюмом (с. 29–30; курсив мой. – М. К.).

Сам Николай Андреевич обнаруживает свою наготу после ухода тирана из жизни – когда вдруг открылось зрелище государственного тела, поражённого болезнью:

И Николай Андреевич почувствовал себя словно бы раздетым. Словно бы тысячи чужих глаз смотрели на его голое тело (с. 29).

Он уже один, без прикрытия государства, должен отвечать перед самим собой за свои действия, и список этих подлых действий «неимоверно паскудный»:

Вся его жизнь состояла из великого послушания, и не было в ней непослушания (с. 30).

Он подходит почти до полного понимания и принятия реальности своей несвободы, но отступает испуганно:

Невыносимо брать на свою совесть многолетнюю покорную подлость.

Но постепенно тяжелое чувство стало успокаиваться. Все, казалось, изменилось, и в то же время, оказывается, не изменилось (с. 32).

Так же, как и он, советское постсталинское общество не сумеет измениться в годы оттепели: «Все, казалось, изменилось, и в то же время, оказывается, не изменилось». Таким образом, заключительные размышления Николая Андреевича трагически противоречат эмфатическим утверждениям в начале третьей главы: «сколько после смерти Сталина перемен» (с. 15).

Итак, даже при самом беглом сравнении разных версий «Всё течёт...» можно наблюдать, как тема свободы – основная в повести – становится центральной для третьей главы только в конечной переработке.

Когда именно это произошло? Судя по всему, только после того, как сотрудники органов госбезопасности отняли у Гроссмана роман «Жизнь и судьба» в 1961 г., он мог написать настолько крамольные страницы уже в стол, без всякой надежды на публикацию¹².

Академическое издание повести «Всё течёт...» сможет послужить надежным подспорьем для дальнейшего анализа творческой эволюции Василия Гроссмана и, надеемся, даст новый импульс к изучению его наследия.

Список литературы

Берзер А. Прощание // Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Берзер А. Прощание. М., 1990. С. 121–270.

Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. Лондон, 1974. 352 с.

Калузио М. Василий Гроссман и первый опыт художественного исследования Гулага (О повести «Все течет...») // *L'analisi linguistica e letteraria*. 2017, no. 2, pp. 175–186.

Калузио М. Штрихи к портрету советского приспособленца: Николай Андреевич из повести В. Гроссмана «Все течет...» // *Языковая личность*

¹² В последней редакции повести описываются также финальные фазы антисемитской сталинской кампании, о которых в советской печати и литературе нет ни слова до самой Перестройки. В М-3 еще названо критически опасное имя Лысенко (которого в Советском Союзе стало возможно критиковать только в начале 1960-х гг., но которого ценил Хрущев), см.: «Николай Андреевич плохо относился к лысенковским теориям, но письмо от знаменитого академика-агронома было ему приятно. Да и работы Лысенко не следовало огульно отрицать. Да и слухи о том, что он очень опасен для своих научных противников и любит прибегать к полицейским аргументам и доносам в научных спорах, видимо, были преувеличены» (с. 25).

в зеркале интерпретационных исследований / Под ред. Т. А. Трипольской. Новосибирск, 2021. С. 66–87.

Красникова А. Взгляд – врач – враг. Частотные словари и эволюция языка и художественного мира «Всё течёт...» Василия Гроссмана // Языковая личность в зеркале интерпретационных исследований / Под ред. Т. А. Трипольской. Новосибирск, 2021. С. 192–217.

Эткинд Е. Советские табу // Синтаксис. 1981. № 9. С. 3–20.

Garrard J. The Original Manuscript of *Forever Flowing*: Grossman's Autopsy of the New Soviet Man // *The Slavic and East European Journal*. 1994. No. 2. P. 271–289.

Ghini G. Judas forgiven. Vasily Grossman's last Meditation on Guilt // Гроссмановский сборник. Наследие современного классика / Сост. М. Калузио, А. Красникова, П. Тоско. Милан, 2016. С. 363–376.

Ghini G. Everything flows but Ivan Grigorevich stands still: Grossman, Heraclitus, and the Prodigal Son // *Vasily Grossman. A Writer's Freedom*. Ed. by Anna Bonola and Giovanni Maddalena. London, Chicago, McGill-Queen's University Press, 2018, pp. 79–94.

Markish S. *Le Cas Grossman*. Paris, Julliard, L'Age d'Homme, 1983.

Popoff A. *Vasily Grossman and the Soviet Century*. New Haven, London, Yale University Press, 2019.

Список источников

Гроссман В. *Всё течёт...* Франкфурт-на-Майне, 1970. 207 с.

Гроссман В. *Всё течёт* // Октябрь. 1989. № 6. С. 30–108.

References

Berzer A. Proshchanie. Lipkin S. Zhizn' i sud'ba Vasiliya Grossmana. In: Berzer A. Proshchanie. M., 1990, pp. 121–270. (in Russ.)

Calusio M. Shtrikhi k portretu sovetskogo prisposoblentsa: Nikolay Andreevich iz povesti V. Grossmana "Vse techet...". In: Tripolskaya T. A. (ed.). *Yazykovaya lichnost' v zerkale interpretatsionnykh issledovaniy*. Novosibirsk, 2021, pp. 66–87. (in Russ.)

Calusio M. Vasilij Grossman i pervyy opyt khudozhestvennogo issledovaniya Gulaga (O povesti "Vse techet..."). *L'analisi linguistica e letteraria*, 2017, no. 2, pp. 175–186. (in Russ.)

Etkind E. Sovetskie tabu. *Sintaksis*, 1981, no. 9, pp. 3–20. (in Russ.)

Garrard J. The Original Manuscript of Forever Flowing: Grossman's Autopsy of the New Soviet Man. *The Slavic and East European Journal*, 1994, no. 2, pp. 271–289.

Geller M. Kонтсентратсионный мир и советская литература. London, 1974, 352 p. (in Russ.)

Ghini G. Judas forgiven. Vasily Grossman's last Meditation on Guilt. In: Calusio M., Krasnikova A., Tosco P. (comp.) Grossmanovskiy sbornik. Nasledie sovremennoy klassika. Milan, 2016, pp. 363–376. (in Russ.)

Ghini G. Everything flows but Ivan Grigorevich stands still: Grossman, Heraclitus, and the Prodigal Son. In: Anna Bonola and Giovanni Maddalena (eds.). Vasily Grossman. A Writer's Freedom. London, Chicago, McGill-Queen's Uni. Press, 2018, pp. 79–94.

Krasnikova A. Vzgl'yad – vrach – vrag. Chastotnye slovari i evolyutsiya yazyka i khudozhestvennogo mira "Vse techet..." Vasiliya Grossmana. In: Tripolskaya T. A. (ed.). Yazykovaya lichnost' v zerkale interpretatsionnykh issledovaniy. Novosibirsk, 2021, pp. 192–217. (in Russ.)

Markish S. Le Cas Grossman. Paris, Julliard, L'Age d'Homme, 1983.

Popoff A. Vasily Grossman and the Soviet Century. New Haven, London, Yale Uni. Press, 2019.

List of Sources

Grossman V. Vse techet. *Oktyabr'*, 1989, no. 6, pp. 30–108. (in Russ.)

Grossman V. Vse techet... Frankfurt am Main, 1970. (in Russ.)

Информация об авторе

Мауриция Калузио, PhD, ординарный профессор, доцент русской литературы

Information about the Author

Maurizia Calusio, PhD, Full Professor of Slavistics (Russian Literature)

Статья поступила в редакцию 01.02.2023;

одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 10.03.2023

The article was submitted on 01.02.2023;

approved after reviewing on 10.03.2023; accepted for publication on 10.03.2023